

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.05

УДК 327

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК: ОТ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ К НОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ РЕГИОНА

ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадиевич

кандидат политических наук, профессор Института медиа НИУ ВШЭ, профессор кафедры сравнительного правоведения и практической юриспруденции Юридического института РУДН им. Патриса Лумумбы.

E-mail: devstafiev@hse.ru

SPIN-код: 8135-4366

ORCID: 0000-0002-6276-0342

Для цитирования: *Евстафьев Д.Г.* Ближний и Средний Восток: от новой геополитики к новой конфигурации региона // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 70–86. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.05.

Аннотация. Данная статья является глубокой переработкой с учетом последующих событий и политических процессов выступления автора на общероссийской конференции «Ближний и Средний Восток в эпоху силовой геοэкономики и конкуренции ценностей» на конференции «Арабский Восток в современной мировой политике», ИНИОН РАН, 28 мая 2024 г. Процессы общемировых геополитических и геοэкономических трансформаций серьезно затрагивают пространство Ближнего и Среднего Востока, меняя характерную для предыдущих 30–35 лет логику развития региона, формируя целый ряд противоречивых и, отчасти, взаимоисключающих тенденций развития. Главной из них является кризис, а в ряде случаев, – и невозможность осуществления национальных программ развития и социально-экономической модернизации в ключевых странах региона. Неизбежным становится глубокое изменение архитектуры региона, включающее в себя изменение не только геοэкономических векторов развития, но и политико-пространственных параметров региона. Тенденции в развитии военно-силовых конфликтов в регионе создают реальные условия для фрагментации региона на субрегионы, связь между которыми будет постепенно снижаться.

Ключевые слова: Ближний Восток, Средний Восток, политический ислам, геоэкономическая регионализация, логистические коридоры, военно-силовые конфликты, гибридное воздействие.

Middle and Near East: Transit from New Geopolitics to New Architecture of Region

Dmitry G. EVSTAFIEV

PhD in Political Science, Professor of the Institute of Media
of the Faculty of Creative Industries of the Higher School of Economics,
Professor of the Department of Legal Studies and Practical Law,
Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).

E-mail: devstafiev@hse.ru

SPIN-code: 8135-4366

ORCID: 0000-0002-6276-0342

For citation: Evstafiev D.G. (2024). Middle and Near East: Transit from New Geopolitics to New Architecture of Region. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 70–86. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.05.

Abstract. The article is a result of the deep reshaping taking into consideration the recent events and political developments the author's presentation "Middle East in the era of force geo-economics and competition of values" made at the All-Russian conference "Arab East in the contemporary world politics" (INION Russian Academy of Sciences May 28, 2024). The ongoing global geo-political and geo-economic transformations seriously affect the Middle and Near East in all of its parts by changing the logics of development that was relevant in the region over the recent 30 to 35 years. It creates a number of contradictory and sometimes mutually exclusive tendencies and projects for development. The major trend is in fact the crisis and in some cases the nullification of possibility for implementation of national development and socio-economic modernization project in the key countries of the region. Not only the drastic changes in the geo-economic architecture of the region including the major vectors for the development but also its political and spatial structure. The trends in development of military-political conflicts in the region create real conditions for the fragmentation of the big region into sub-regions with degrading integration connection between them.

Keywords: Near East, Middle East, political Islam, geo-economic regionalization, logistics' corridors, military-political conflicts, hybrid impact.

Вместо введения

Развитие процессов на Ближнем и Среднем Востоке в последние полтора года является примером возможности относительно быстрого слома ранее сложившейся и считавшейся относительно устоявшейся военно-политической конфигурации региона, не соответствовавшей развивающимся в последнее десятилетие геоэкономическим тенденциям¹. Получившее скандальную известность заявление помощника президента США по национальной безопасности Джейка Салливана о том, что уровень стабильности и безопасности на Ближнем Востоке в 2023 г. был наиболее высоким за всю историю конфликта в регионе, сделанное накануне террористического рейда ХАМАС в сопредельные с Газой территории, имело своей основой именно непонимание расхождения стратегических геоэкономических и политических тенденций, что создавало колоссальные возможности для внешних манипуляций.

Быстрая дестабилизация региона стала результатом сочетания ситуативных факторов, включавших, безусловно, и «эксцессы исполнителей» (в полной мере проявившиеся в ходе террористических рейдов ХАМАС на территорию Израиля 7 октября 2023 г.), что нуждается в дальнейшем учете в политическом и военно-политическом планировании. А в особенности – необходим учет того факта, что данное относительно ограниченное по своему масштабу военно-силовое действие террористического характера повлекло за собой коренное изменение политической архитектуры региона, фактически запустив процессы его перестроения.

На сегодняшний момент ключевой проблемой в осмыслении процессов, происходящих на Ближнем и Среднем Востоке, является разрыв между политической и экономической аналитикой, деконструкцией текущих политических процессов, сохраняющей относительно высокий качественный уровень, и анализом и вскрытием долгосрочных политических процессов. Эти процессы, как показывает практика, связаны с актуализацией целого

¹Beckerman G. The Middle East Region Is Quieter Today Than It Has Been in Two Decades // The Atlantic. – 07.10.2023. – URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2023/10/israel-war-middle-east-jake-sullivan/675580/> (дата обращения: 06.08.2024).

ряда исторически сложившихся, но считающихся устаревшими, архаическими и, очевидно, – недоисследованными в своем актуальном «изводе». Но одновременно появляются и новые факторы неэкономического характера, способные изменить характер моделей развития региона.

Главным фактором, обусловившим размораживание, причем по нескольким направлениям, является отсутствие, а, как минимум, существенное ослабление геоэкономических факторов (экономической и социально-экономической взаимозависимости), способных сдерживать новые социальные тенденции. Особенно это проявилось на примере политики руководства Турции, испытывающего все больше затруднений в проведении прежде успешной политики «вербальной державности» и ограничении конфронтации с Израилем сферой риторики.

Главной устойчивой тенденцией как минимум на среднесрочную перспективу следует считать формирование внутри региона Ближнего и Среднего Востока нескольких ядер.

В качестве отправной точки для анализа автор хотел бы предложить следующее понимание ситуации.

Регион Ближнего и Среднего Востока, который корректнее было бы называть регионом Юго-Западной Евразии, вступил в период крайне сложной диалектики. С одной стороны, регион вновь активно интегрируется в единую ближнесредневосточную цепь, с захватом части «индийского мира» и постсоветского пространства (*«евразийскую дугу нестабильности»*²). С другой стороны, внутри евразийской дуги нестабильности возникают ядра, характеризующиеся специфическими геополитическими и геоэкономическими процессами, а в перспективе, – и целеполаганием. Это формирует ситуацию принципиальной разнонаправленности военно-силового развития субрегионов, а значит, и их геоэкономической направленности.

Сосуществование центробежных и центростремительных тенденций в рамках исторически сложившегося и объединенного социокультурными связями региона в условиях институциональ-

² Евстафьев Д.Г. Евразийская «дуга нестабильности», или Управление глобальным экономическим ростом // Экономические стратегии. – 2019. – Т. 21, № 7 (165). – С. 46–56. – DOI: 10.33917/es-7.165.2019.46-56.

ной деградации порождает три принципиальных момента, которые и будут определять особенности развития на среднесрочную перспективу.

- Больше, чем обычно, значение ситуативных факторов и событий. Классический пример – воронка конфликта, возникшая в результате террористического акта в Газе.

- Возможность разрыва казавшихся незыблемыми связей экономической и социальной взаимозависимости. Подобная ситуация формируется в логистическом узле «Красное море» – «Бабель-Мандебский пролив». Пока сложно предсказать масштабы геоэкономических трансформаций в связи с новой военной силовой ситуацией в регионе.

- Запрос на новые силы регионального и национального уровня, способные заполнить вакуум, вызванный деградацией и частичной политико-институциональной деконструкцией.

Авторская гипотеза сводится к тому, что в настоящее время мы наблюдаем распад относительно единого пространства Ближнего и Среднего Востока, становящийся, конечно, не локальным, но трансрегиональным проявлением кризиса глобализации и формирования макрорегионов на основе не геоэкономических факторов и экономической целесообразности, а военно-политических и социокультурных (цивилизационных) факторов. Но это делает тенденции развития как в регионе в целом, так и в формирующихся отдельных его сегментах зависимыми от процессов на глобальном и трансрегиональном уровне.

Геополитический и геоэкономический контекст трансформаций Ближнего и Среднего Востока

Можно выделить несколько принципиальных тенденций, оказывающих существенное влияние на процессы на Ближнем и Среднем Востоке. Ключевой вопрос в действительности – насколько тенденции развития на Ближнем и Среднем Востоке, с одной стороны, соответствуют глобальным и трансрегиональным тенденциям, а с другой – насколько эти тенденции обеспечивают целостность региона.

В числе глобальных тенденций, оказывающих влияние на развитие региона, выделим следующие.

• Санкционная система США как источник нового псевдоправа, заменяющего «мир правил», оказавшийся относительно неэффективным как средство управления «объединенным Западом» в условиях кризиса институциональности. Ближний и Средний Восток в действительности меньше, чем целый ряд других регионов и крупнейших стран (Китай, Индия, постсоветская Евразия) подвержен влиянию американской системы «нового права» и это отражает особенности не только геоэкономического положения региона (трудность оказания на ключевые страны региона лобового политического давления, что и доказало развитие отношений между США и Саудовской Аравией), так и традиционные, цивилизационные особенности поведения экономически и политически активных групп в регионе. В действительности регион Ближнего и Среднего Востока в складывающихся геоэкономических условиях получил беспрецедентные возможности для реализации своего традиционного, ценностно-обусловленного геоэкономического потенциала³. Но это же формирует и другую важную дилемму **на среднесрочную перспективу: если в период холодной войны и годы американского глобального доминирования, ключевым геоэкономическим активом региона были ресурсы, то в перспективе на первое место будет выходить значимость пространства.**

• **Торможение геоэкономической регионализации.** Во многом это происходит за счет агрессивного использования США системы «вторичных санкций». В особенности это проявляется в случае с процессами регионализации в Восточной и Юго-Восточной Азии. В отношении Южной Азии, традиционно считавшейся относительно геоэкономически целостным регионом, возникают сомнения в том, что эту целостность удастся сохранить⁴. Однако это имеет относительно тяжелые среднесрочные последствия: происходит ползучее секторальное разрушение американоцентричных финансов. Ближний и Средний Восток в данном случае напоминают Южную Азию: исторически регион воспринимается как це-

³ Гузаеров Р.И., Сбитнева А.И. Идеино-ценностный компонент в политике Турции и турецких государств // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 115–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.

⁴ Happymon J. The End of South Asia. A Region in Name Only // Foreign Affairs. – 22.06.2024. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/south-asia/end-south-asia> (дата обращения: 05.08.2024).

лостный, но в новых условиях его интегрированность оказывается сравнительно низка, и выступает в качестве «флагманских регионов», хотя сами по себе процессы регионализации развивались там относительно медленными темпами в силу наличия конкурирующих «ядер» консолидации (Турция, Иран, Египет, Саудовская Аравия), формируя системы клиринго-бартерных расчетов по ключевым биржевым товарам⁵. Эти тенденции пока не преодолели «точку невозврата», однако в условиях прямой втянутости США в конфликт вокруг Газы и потенциально – Ливана, может произойти резкое ускорение подобных процессов.

• **Замена социально-экономической универсализации свойственной поздней глобализации «конкуренцией ценностей»**, что на политико-операционном уровне проявилось уже сейчас в переходе от пространства «конкуренции постправд» к регионализированной «конкуренции постреальностей»⁶. Ближний и Средний Восток пока находятся вне этих тенденций, что во многом связано с вовлеченностью региона в текущие военно-силовые конфликты, но во многом отражает переходное состояние местных элит. В случае оформления нового элитного мейнстрима технология постреальности будет, безусловно, использована для формирования мегамифов, легализующих перспективную политическую конфигурацию региона. Вопрос о локальных версиях посткапитализма стоит на сегодняшний день «вынести за скобки», хотя этот фактор в перспективе может стать одним из наиболее значимых цивилизационных идентификаторов.

• **Легализация силовой геэкономки.** Регион Ближнего и Среднего Востока был флагманским для апробации и политической легализации подобных методов, превращающихся в дальнейшем в универсальный инструмент для перекройки геэкономического пространства на фазе перехода к неоглобальному миру. Причем, строго говоря, этот период можно отнести к 2012–2013 гг., – началу активного переноса «арабской весны» на территорию Сирии, где гражданский конфликт в отличие от собы-

⁵ Саудовская Аравия и ОАЭ переходят на электронные деньги // Большая Азия. Электронный портал. – 14.12.2018. – URL: <https://bigasia.ru/saudovskaya-araviya-i-oae-perehodyat-na-elektronnye-dengi/> (дата обращения: 13.08.2024).

⁶ Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. Глобальная конкуренция ценностей: от «постправды» к «постреальности» // Международная жизнь. – 2024. – № 7. – С. 12–23.

тий в других странах региона имел совершенно отчетливое геоэкономическое содержание. В дальнейшем именно вокруг модели силовой геоэкономики была выстроена внешняя политика Турции, в особенности в отношении севера Сирии и Восточного Средиземноморья, превратившегося в один из наиболее ресурсно перспективных регионов Ближнего Востока, особенно в контексте возможного распада единого геоэкономического пространства на субрегионы.

- Наконец, как следствие американской санкционной политики и кризиса мировой торговли, в целом контролировавшей американскими и британскими финансовыми и логистическими структурами, на общемировом уровне **происходит увеличение сегмента «серой» экономики**, что является важным свидетельством распада классического экономического американско-центричного универсализма. Данная тенденция обозначилась на Ближнем и Среднем Востоке раньше, чем в других регионах, в частности в контексте конфликта в Сирии и Ираке возник эффект появления на рынке значительных объемов легально торговавшейся нефти неясного происхождения с месторождений региона, де-факто находящихся под фактическим эксплуатационным контролем американских нефтедобывающих корпораций.

Ключевые региональные тенденции

Как уже говорилось выше, регион Ближнего и Среднего Востока находится в некоем промежуточном состоянии, когда большая часть ключевых региональных и национальных тенденций не приобрела характера необратимости.

Важнейшим вопросом развития региона Ближнего и Среднего Востока является перспектива сохранения геополитической и геоэкономической целостности региона. Вероятно, следует исходить из того, что целостность Ближнего и Среднего Востока будет снижаться под воздействием целого ряда объективных факторов. Вопрос состоит в том, что на сегодняшний день крайне затруднительно в полной мере оценить масштабы утраты регионом, который можно было бы назвать «Южной Большой Евразией» своей связности. В обобщенном виде соотношение центробежных и центростремительных факторов развития приведено в Табл. 1.

Таблица 1(а)

Центробежные и центростремительные тенденции развития региона

Тенденция	Содержание тенденции Центробежная / Центростремительная	Характер тенденции	Точки проявления	Акторы	Примечания
Кризис светских и религиозных условно «национальных» государств	Кризис преемственности элит. Появление полноценных контрэллит, в том числе и на религиозной основе	В зависимости от региона. Скорее – центробежная	Египет, Саудовская Аравия, Йемен, Ливия	Новые религиозные течения (исотократии). Племменные союзы. ЧВК, обеспечивающие безопасность	Затруднительность формирования устойчивых межгосударственных альянсов и коалиций
Кризис государственных проектов развития	Замедление и / или содержательный пересмотр инвестиционной политики	Скорее центробежная	Ирак, Ливия, Йемен, Судан	Национальные (государственные) корпоративные структуры. Суверенные инвестиционные фонды. Транснациональные корпорации	Возникновение внутренних кризисных условий для распада государств и формирования новой системы территориального деления. Риск получения ТНК избыточного влияния
Кризис общерегиональных проектов развития	Замедление новых международных проектов даже в сфере энергетики. Кризис интернациональной логистики на среднем Востоке	Центробежная	Зона арабо-израильского конфликта, Северная Африка	Кризис архитектуры акторов в подобных проектах, отсутствие полноценных интергетов. Выдвижение внешними участниками, прежде всего, западными ТНК, но и китайскими корпорациями де-факто политических условий	На сегодняшний день нет ни одного полноценного проекта развития на Ближнем Востоке. На Среднем Востоке идет стагнация интегрирующихся проектов в силу военно-политических и политических рисков
Кризис региональных институтов	Полная смена «повестки дня» по большинству вопросов. Отсутствие решений по ключевым вопросам развития	Центробежная	ОАГ, Союз арабских государств Персидского залива, Всемирная исламская лига	Национальные государства	Оформившаяся потребность в вовлечении в деятельность подобных организаций субгосударственных участников

Источник: авторский анализ и обобщение

Таблица 1(б)

Центробежные и центроостремительные тенденции развития региона

Тенденция	Содержание тенденции Центробежная / Центроострительная	Характер тенденции	Точки проявления	Акторы	Примечания
Кризис трансрегиональной логистики	Центробежная. Формирование систем безопасных логистических маршрутов и суверенизированных логистических центров	Центробежная. Формирует условия для геоэкономической фрагментации региона на субрегионы	Персидский залив, Северо- Западная Африка, Восточное Средиземноморье, Побережье Аравийского моря	Пакистан, Государства Персидского Залива, Саудовская Аравия, Алжир, Марокко	Наличие активно развивающегося коридора «Север – Юг» принципиально меняет не только характер логистики в регионе, но и формирует новые фокусы экономического роста
Обострение борьбы за лидерство в исламском мире	В настоящее время – центробежная. В перспективе – центроострительная. Возникновение налеубофессиональных социально-политических структур	По форме – центроострительная. По возможным последствиям – центробежная	Ливан, Йемен	Структура с военно- силовым потенциалом (ХАМАС, Хизбалла, Ансар-Аллах, Талибан и т.п.)	«Шиттский мир» оказывается шире шиизма как чисто религиозного течения. Высокий риск раскола «полюс» Мира Ислама
Деловляризация внутрирегионального взаимодействия	Попытки выхода проектов из «инкубационного» статуса в связи с нарастающим политическим давлением США	Центроострительная. Усугубляется в случае возникновения полноценных расчетных центров	ОАЭ, Турция, Алжир	Суверенные инвестиционные компании. Структуры исламского банкинга. Неформальные расчетные сети	Тенденция пока слабо выражена. Происходит разрушение монополии государства на финансовый оборот
Разрастание конфликта в Газе	Классическая «воронка конфликта» с нарастающими гуманитарными последствиями	Переходный от центроострительной к центробежной	Зона арабо-израильского конфликта, Иордания, Ливан, Иран и Египет в случае эскалации	Израиль, Иран, Военно-силовые структуры различного типа	Видимый раскол исламского мира на «арабский» и «шиитский», в действительности, – «исламский». Сохраняется возможность реконсолидации части арабских стран с общей позицией по мирному урегулированию

Источник: авторский анализ и обобщение

Ключевой тенденцией, вероятно, следует считать кризис региональных проектов крупнейших государств, являющийся, очевидно, результатом кризиса развития на национальном уровне. За последние годы мы наблюдали существенное торможение как минимум трех проектов регионального доминирования: «Турецкое Средиземноморье», «Египетское Средиземноморье», по задумке – очень амбициозный проект, выведивший Египет на совершенно иной уровень регионального влияния, грандиозная и вполне продуманная программа «Видение: Саудовская Аравия 2030». Существенно менее динамично и также в связи с внутренними проблемами развития развивается проект «Шиитского клина». В качестве гипотезы, вероятно, можно говорить, **если не об исчерпании, то приближении к пределу возможностей развития в рамках классических национальных государств**. Что само по себе подразумевает практическую неизбежность территориально-политического переформатирования региона. Причем это касается, как относительно светской парадигмы национального государства (Турция, Египет, Пакистан), так и относительно более религиозно окрашенных государственных систем (Саудовская Аравия, Иран).

Выводы по ситуации могут быть сведены к нескольким позициям:

Первый. Центростремительные и центробежные тенденции в регионе по состоянию на середину 2024 г. находились в состоянии относительного равновесия. Но общий контекст ситуации говорил о том, что сдвиг в одну или в другую сторону мог произойти от относительно незначительного в общих масштабах события. Причем такие события не обязательно могут носить характер военно-силовых кризисов. Это могут быть и кризисы природного и техногенного характера, но, думается, у них должна быть одна важная общая черта: такого рода кризисы должны менять логику пространственного развития.

Подобные тенденции будут так или иначе влиять на политические процессы и на национальном уровне. В наибольшей степени это проявляется в отношении Турции⁷, но харак-

⁷ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора // Вестник Российского университета дружбы

терно это и для ряда других стран, в особенности «к востоку от Суэца». Ситуация, однако, в целом склоняется в сторону формирования геоэкономически разобщенных друг от друга Ближнего и Среднего Востока с зоной Персидского залива в качестве своеобразного буфера. Это будет иметь целый ряд последствий помимо того, что будут созданы реальные условия для начала реализации давней американской концепции «Нового большого Ближнего Востока», предусматривающей глубинное переформатирование политического пространства региона на этноконфессиональной основе. Хотя и относительно нерадикальном варианте из-за рисков неуправляемой хаотизации пространства.

Второй. Остро стоит вопрос о потенциале «ядер» консолидации геоэкономических субрегионов. На сегодняшний день очевидно, что ни одно из потенциальных «ядер» геоэкономической консолидации не смогло условно «предъявить» потенциал, адекватный тем задачам, которые неизбежно встанут перед государством, ставящим задачу превращения в «центр силы» даже в первом приближении. Все подобные государства – Турция, Египет, Иран и Саудовская Аравия – ощутимо испытывают проблемы внутренней социально-экономической и социально-политической устойчивости, ограничивающие потенциал внешней экспансии, даже при наличии соответствующего инструментария. Что вполне проявилось в эволюции региональной политики Ирана в 2016–2024 гг., фактически завершившейся попыткой дэскалации в отношениях с США и дистанцирования от своих «прокси».

Еще более очевидна недостаточность внутреннего экономического потенциала применительно к политике Турции, демонстрирующей разрыв между политической риторикой и сохранением экономических отношений с Тель-Авивом, критичных для экономической устойчивости. На Среднем Востоке политическая судьба Пакистана становится одним из важнейших геоэкономических факторов общерегиональной стабильности. И это также пример того, как геополитические амбиции, стремление – причем, очевидно, небеспочвенное – стать ядром геоэкономического макро-региона, отличного от «Индийского мира», не были поддержаны

адекватным внутренним развитием и социально-экономической модернизацией и сыграли системно отрицательную роль⁸. Если начнется процесс даже вялотекущей хаотизации этой страны (даже в формате «Бангладеш+»), это коренным образом изменит ситуацию во всем регионе, не исключая и значительные и критические в военно-политическом отношении элементы «Индийского мира», например, Кашмир, способный стать при определенных условиях плацдармом для деятельности радикальных неоисламистских сил, конечно, менее географически «выгодное», нежели Афганистан или даже северная Сирия, но также имеющий не только военно-силовой, но и геоэкономический потенциал.

Третий. Ключевым фактором управления тенденциями развития объективно стало воздействие внешних сил или сокращение такого воздействия. Относительный успех американской политики в регионе как раз и связан с тем обстоятельством, что США, играя на противоречиях между различными потенциальными «центрами силы» в регионе, смогли продемонстрировать им зависимость регионального статуса этих стран от отношений с США. Наиболее очевидным является пример Турции, геополитические и геоэкономические амбиции⁹ которой оказались не вполне адекватными возможностям внутренней экономики и устойчивости социально-политической системы. Но в перспективе это создаст систему, где устойчивость ключевого внутреннего элемента – национальных государств различного типа – будет постоянно сокращаться. Подобная система будет неизбежно подвержена манипуляциям извне, а внешние акторы могут приобрести в реализуемых геоэкономических приоритетах избыточное, непропорциональное влияние.

Четвертый. Фактором неопределенности становится состояние региональных и трансрегиональных геоэкономических проектов. В особенности важным становится судьба проектов «усеченных» вариантов Великого шелкового пути, в частности

⁸ Haqqani H. Pakistan Reaps What It Sowed. How the Country's Support for the Taliban Backfired // Foreign Affairs. – 23.05.2022. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2022-05-23/pakistan-reaps-what-it-sowed> (дата обращения: 16.08.2024).

⁹ Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. – 2023. – № 1(115). – С. 194–201. – DOI: 10.31857/S0201708323010163.

южного «левантийского» коридора в направлении Адриатики и Ваханского индустриального логистического коридора с формированием крупного логистического узла «большого Карачи» (порт Гвадар).

Проект, осуществляемый при китайском участии, может способствовать окончательному геоэкономическому отрыву Среднего Востока даже от зоны Персидского залива, не говоря уже о Ближнем Востоке как таковом. И это дает возможность сформулировать принципиальный вывод: неизбежной тенденцией развития на среднесрочную перспективу становится **консолидация защищенных пространств и пространств устойчивого экономического роста вокруг логистических коридоров**. Важно, однако, отметить, что большая часть геоэкономических тенденций действуют в пользу не просто отрыва Среднего Востока от Ближнего, что само по себе будет иметь серьезные последствия, но и дальнейшей фрагментации Ближнего Востока. Сложившейся тенденцией становится **сдвиг фокуса экономического роста из Восточного Средиземноморья на Восток, в зону Персидского залива**, превращающуюся в ключевую зону межрегиональной торговли, ситуативно трансформируясь в главный центр экономического роста и инвестиционной активности.

* * *

Подводя итоги данной статьи, отражающей только часть научно-практических результатов исследований глобальных геополитических и геоэкономических трансформаций применительно к ключевым регионам мира, в частности к Ближнему Востоку, отметим всего несколько факторов, способных существенным образом изменить характер политических и экономических процессов в регионе и сделать неактуальными значительную часть прогнозов.

• **Высокий уровень готовности к эскалации**, сдерживаемой политическими, но неэкономическими факторами, что показывает ситуация во взаимоотношениях в треугольнике «Израиль – Иран – США». Геоэкономическая взаимозависимость как системный фактор уже не работает. Продолжают работать личные факторы зависимости элит и всеобщей неготовности к неконтролируемой эскалации.

• **Высокий уровень готовности к «элитным революциям»** и появлению у власти альтернативных (Саудовская Аравия), а в ряде случаев, – антиэлит («большой Йемен»). Это происходит на фоне относительной слабости контрэлит. Резкий рост значения экономических и политико-экономических связей, построенных на неформальных основаниях. Это обуславливает резкий рост значения личности в политических процессах, что отражает процессы деинституционализации как на межгосударственном, так и на внутривнутригосударственном уровнях.

• **Моральное банкротство арабских стран в контексте событий в Газе.** Это – долгосрочный политический фактор: общественная жизнь («улица») начинает жить мимо традиционных (наследственных) элит, формируя базу для контрэлит, не играющих, как говорилось выше, сейчас значительной роли. И это создает значительную перспективу хаотизации политического и геэкономического пространства в силу естественности для контрэлит модели «трофейной экономики», что и доказала деятельность радикальных исламистов в Сирии и Ираке. Важно, что фактор дискредитации арабских стран будет актуальным даже в случае стабилизации военно-силовой ситуации¹⁰.

• **«Арабский национализм» и варианты построения светской власти на Среднем Востоке** (Пакистан, Турция, Бангладеш, хотя чисто географически эта страна находится вне рамок рассматриваемого региона), **в обобщенном виде понимаемый как светская модель политической власти с учетом национально-религиозной специфики находится в фазе «выгорания»**, что естественно, учитывая, что у власти находится третье или четвертое поколение относительно светских арабских лидеров. А попытки формирования относительно мягкого варианта ислама, способного стать некоей идейной опорой политической власти, имели относительный успех только в Сирии. На сегодняшний день единственная отработанная альтернатива: «теократическая демократия» в Иране слишком привязана к шиитской иранской идентичности. Налицо явный вакуум политического целеполагания, который

¹⁰ Stroul D. The Dangers of an Ungovernable Gaza. Without Basic Postwar Stability, “the Day After” Might Never Arrive // Foreign Affairs. – 20.05.2024. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/israel/dangers-ungovernable-gaza> (дата обращения: 16.08.2024).

обострится в случае дальнейшего кризиса идентичности общепарабской. В перспективе этот вакуум заполнится радикалистскими движениями сетевого типа, подстраивающимися под особенности конкретного пространства, вполне способными стать идеологической основой для деятельности контрэлита.

• **Ключевым фактором будет способность отдельных стран и их коалиций выстроить схему устойчивого, пусть и локального экономического роста вокруг защищенного актива.** Но это в конечном счете будет усиливать тенденции к укреплению локальных идентичностей, создавая для них некую экономическую базу, давая возможность реализовывать традиционные для конкретного пространства методы хозяйствования. Но это же создает возможность для экономического и геоэкономического манипулирования странами и социально-экономическими системами, действующими в таких пространствах в силу их зависимости от внешних инвестиций и допуска на рынки. Также в таких системах резко возрастает значение нейтрализованных экономических анклавов, «факторий», что также является вполне естественным для региона.

В итоге мы неизбежно сталкиваемся с тем, что **ключевым вопросом становится не столько вопрос о геополитической конфигурации региона и его институциональной архитектуре, сколько проблема кардинального изменения «архитектуры акторов» политики и экономики в регионе.** Эти изменения могут сделать неактуальными все прежние модели анализа процессов в регионе и формирования прогноза. Именно эту проблему: выявление новых акторов в регионе, выявление их средне- и долгосрочной мотивации и прогноз тактических действий (безусловно, с учетом нарастающего влияния неэкономических факторов поведения, о чем говорилось выше), вероятно, стоит считать приоритетной задачей анализа и прогноза по данному направлению международных политических и экономических исследований.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. – 2023. – № 1 (115). – С. 194–201. – DOI: 10.31857/S0201708323010163.

2. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 1. – С. 131–142. – DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-131-142.
3. Гузаеров Р.И., Сбитнева А.И. Идеино-ценностный компонент в политике Турции и тюркских государств // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 115–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.
4. Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. Глобальная конкуренция ценностей: от «постправды» к «постреальности» // Международная жизнь. – 2024. – № 7. – С. 12–23.
5. Евстафьев Д.Г. Евразийская «дуга нестабильности», или управление глобальным экономическим ростом // Экономические стратегии. – 2019. – Т. 21, № 7 (165). – С. 46–56. – DOI: 10.33917/es-7.165.2019.46-56.
6. Саудовская Аравия и ОАЭ переходят на электронные деньги // Большая Азия. Электронный портал. – 14.12.2018. – URL: <https://bigasia.ru/saudovskaya-araviya-i-oae-perehodyat-na-elektronnye-dengi/> (дата обращения: 13.08.2024).
7. Beckerman G. The Middle East Region Is Quieter Today Than It Has Been in Two Decades // The Atlantic. – 07.10.2023. – URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2023/10/israel-war-middle-east-jake-sullivan/675580/> (дата обращения: 06.08.2024).
8. Happymon J. The End of South Asia. A Region in Name Only // Foreign Affairs. – 22.06.2024. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/south-asia/end-south-asia> (дата обращения: 05.08.2024).
9. Haqqani H. Pakistan Reaps What It Sowed. How the Country's Support for the Taliban Backfired // Foreign Affairs. – 23.05.2022. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2022-05-23/pakistan-reaps-what-it-sowed> (дата обращения: 16.08.2024).
10. Stroul D. The Dangers of an Ungovernable Gaza. Without Basic Postwar Stability, “the Day After” Might Never Arrive // Foreign Affairs. – 20.05.2024. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/israel/dangers-ungovernable-gaza> (дата обращения: 16.08.2024).